

БИОПОЛИТИКА КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И БИОЭТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Смирнов К.С., Ковалева М.Д.

В статье показывается, что предельным выражением упадка современной культуры является биополитика. При этом указывается, что современная культура имеет пределы в своем развитии. В итоге следует восстановление традиционного культурного пространства на основе биоэтической альтернативы.

Ключевые слова: кризис культуры, биополитика, биоэтика, традиционная культура.

BIOPOLITICS AS A CHALLENGE OF MODERN CULTURE AND BIOETHICAL ALTERNATIVE

Smirnov K.S., Kovaleva M.D.

The article shows that biopolitics is the utmost expression of the decline of modern culture. It also emphasizes that the development of modern culture is limited. Finally, the traditional cultural space is restored on the basis of bioethical alternative.

Key words: crisis of culture, biopolitics, bioethics, traditional culture.

Современная культура представляет собой предельный разрыв с культурой традиционной. Это означает, что современная культура есть культура профанная, в которой сакральный элемент почти исчез. Собственно, именно это имел ввиду Жак Деррида, обращаясь к шекспировской фразе «The time is out to joint» (порвалась связь времен).[1] Другими словами мы переживаем глубокий кризис культуры.

Любая культура предполагает существование определенных механизмов управления. В традиционной культуре таким механизмом является религия, что предполагает существование надчеловеческих, наиндивидуальных принципов. Эти принципы и обуславливают сакральное измерение в культуре. Данное измерение формирует определенный смыслообразующий дискурс, выражающий идею связи человека с трансцендентным измерением реальности.

В современной культуре основным механизмом управления является капитал, который претендует на то, чтобы стать определенным социально-генетическим кодом человека. Этот социально-генетический код создает

некий псевдосакральный дискурс, утверждающий некое новое качество человека. Иными словами есть люди, обладающие социально-генетическим кодом (капиталом) и имеющие по этой причине всевозможные преференции и люди, лишенные данного кода, у которых не только отсутствуют какие-либо преференции, но и само их существование в некотором смысле может быть поставлено под вопрос. Таким образом, современная культура редуцирует человека исключительно к биосоциальному существу, которое необходимо подвергается кодификации на предмет наличия и/или отсутствия социально-генетического кода. Предельным выражением такого подхода является такое явление современной культуры как биополитика.

По-видимому, первым, кто обратил внимание на это явление современности, был Мишель Фуко. В книге «Воля к истине» Фуко подводит итог процессу, в ходе которого на заре Нового времени природная, биологическая жизнь начинает включаться в механизмы и расчеты государственной власти, и политика превращается в биополитику: «На протяжении тысячелетий человек оставался тем, чем он был для Аристотеля: живущим животным, способным, кроме того, к политическому существованию; современный же человек- это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа ставится под вопрос» [2]. Согласно Фуко, «порог биологической современности» [3] общества находится в точке, где вид и индивид становятся ставкой в его политических стратегиях, функционируя всего лишь как некое живое тело. В своих последних работах Фуко говорит о переходе от территориального Государства» к «Государству населения» и о том, что вследствие этого биологическая жизнь и здоровье нации стремительно обретают все большее значение как предмет внимания суверенной власти, теперь неуклонно трансформирующейся в «правительство людей». «Следствием этого оказывается нечто вроде анимализации человека, осуществляющейся посредством тончайших политических технологий. Впервые в истории возможности социальных и гуманитарных наук получают широкое

распространение, и вместе с тем появляется возможность одновременно как защитить жизнь, так и оправдать принесение ее в жертву» [4]. В частности, с этой точки зрения, развитие и «триумф» капитализма были бы невозможны при отсутствии дисциплинарного контроля, производимого новой биовластью, создавшей при помощи ряда соответствующих техник необходимые ей «послушные тела».

Таким образом, современная культура производит чудовищную редукцию человека к послушному биологическому организму. Причем этот процесс объясняется «заботой и экономической целесообразностью». Важно, что послушные человеческие биологические организмы имеют совершенно различное «качество жизни». Последнее обусловлено местом, которое занимает человек в глобальной управленческой матрице современной культуры. В этой матрице можно выделить три технологии управления (или, согласно Фуко, «тончайшие политические технологии»): социально-генетическую кодификацию, глобальную социальную стратификацию и массовую культуру как культуру соблазна с очевидным гедонистическим дискурсом. Если человек обладает социально-генетическим кодом (капиталом), то он находится в высшем страте глобального общества и для него открыт весь спектр возможностей наслаждаться жизнью, который обеспечивается массовой культурой (от незнающей границ, эротической сферы до так называемого «вальсирования» по миру). И, безусловно, не последнюю роль в этом спектре услуг играет забота о здоровье. Не будет большим преувеличением отметить в этой связи, что возникла даже особая область медицины: можно назвать ее VIP-медицина, оказывающая специальные, баснословно дорогие услуги. Принимая во внимание предложенную Фуко «анимализацию», вполне возможно сравнить жизнь супердорогих VIP-персон с жизнью «горячо любимых» домашних питомцев (собак, кошек и т.д.).

Совсем иная картина складывается в ситуации, когда человек не обладает социально-генетическим кодом, а в предельном варианте- даже

потенциально не имеет возможности получить этот код. Для характеристики такого человека лучше всего подходит понятие *homo sacer*. Это понятие из древнего римского права использует в своей книге современный итальянский философ Д. Агамбен. *Homo Sacer* есть человек, «которого можно убить, но нельзя принести в жертву» [5]. Это человек, жизнь которого в любой момент может быть абсолютно безнаказанно отобрана, стать объектом насилия. Последнее, находясь вне сферы всякого права, не принадлежит при этом и миру жертвоприношения как некоего ритуала. Агамбен справедливо отмечает, что «сегодня мы можем наблюдать, как человеческая жизнь становится объектом беспрецедентного насилия, которое сделалось частью нашей повседневности, оставаясь при этом абсолютно профанным и тривиальным. В наше время за одни выходные на европейских автострадах гибнет больше людей, чем на поле боя, однако говорить в связи с этим о «сакральности дорожного ограждения можно лишь в качестве риторического упражнения» [6].

В этой связи весьма интересно толкование Агамбеном геноцида евреев во время Второй Мировой войны. С точки зрения итальянского философа, термин «холокост» (т.е. жертвоприношение) совершенно не подходит для этого случая. Преследуемый нацистами еврей есть «безусловный образец *homo sacer*...убийство еврея не может быть определено ни как смертная казнь, ни как жертвоприношение, но как простое осуществление «возможности быть убитым», которая принадлежит самой сущности еврея» [7]. Евреи не были уничтожены в процессе гигантского жертвоприношения, но в «буквальном соответствии со словами Гитлера «передавлены как блохи», то есть именно как всего лишь голая жизнь. Уничтожение евреев следует помещать не в правовое и не в религиозное, а в биополитическое измерение» [8]. Но не оказывается ли сегодня человечество в своем абсолютном большинстве в положении евреев эпохи последней мировой войны? Чтобы полностью прояснить этот вопрос, следует выяснить: что же представляет собой современная суверенная власть? В старые времена

суверенной властью обладал монарх, император. В тоталитарных государствах 20-го века суверенами были вождь, фюрер. Но сейчас суверенная власть не находится в руках человеческого субъекта. Сейчас мы имеем дела с капиталократией: деперсонифицированным субъектом стихийного характера. Его стихийная «деятельность» такова, что вполне сравнима с цунами или землетрясением, когда многие люди могут быть «передавлены как блохи». Очередная эскалация экономического кризиса может превратить массу людей в голую жизнь, лишив их самого элементарного. Собственно уже каждый шестой представитель рода человеческого является *homo sacer*, выживая на 1-2 доллара в день. Но потенциально почти все люди находятся под угрозой превращения в голую жизнь. Ибо в нашу эпоху глобализма человечество становится колоссальным биологическим телом, которое можно до бесконечности очищать, избавляясь от тех, кто не может или не хочет принимать убийственную логику тотального капитализма. Однако время тотального капитализма проходит. Как от мечает С.П. Капица «в системе, охваченной сильными связями, подобной глобальному финансовому рынку, виртуальные деньги, циркулирующие в системе, значительно больше, чем те, которые действительно инвестируются. Большие флуктуации в финансовых системах указывают, что система находится вблизи границы ее устойчивости» [9]. Это означает, что в скором времени может исчезнуть сама основа всей современной профанной культуры в виде виртуального капитала. И тогда неизбежным будет возврат к традиционной культуре с ее сакральным измерением и возможностью защитить всякую жизнь.

В этом смысле появление биоэтики является симптоматичным. Мы считаем, что биоэтика является современным выражением Традиции, т.е., совокупности тех духовных и нравственных принципов, которые были выработаны человеческой культурой на протяжении тысяч лет. Эти принципы поддерживали «связь времен». А биоэтика призвана восстановить эту прерванную связь на современном этапе развития человечества и стать

альтернативой биополитике. Предметом биоэтики является нравственное отношение ко всем людям и ко всему живому. Одним из ее ключевых принципов является принцип «делай добро». Делать добро- значит быть бескорыстным и активным. Высшая правота биоэтики- это доброта в действии. Биоэтика говорит о человеке как нравственном существе среди других нравственных существ. И когда Седова и Сергеева утверждают, что «биоэтика как социальная наука должна пониматься как этика справедливости» [10], речь, на наш взгляд, идет о восстановлении традиционного культурного пространства, в рамках которого человечество выживало на протяжении тысяч лет. В традиционной культуре справедливость означает, что нравственные императивы распространяются на всех без исключения и что здесь нет места биополитике исключения.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Derrida J. Specters of Marx. Classics.- N.Y.; L.: Routledge, 1994.С. 55.
2. Фуко М. Воля к истине. М.: Касталь, 1996. С. 248.
3. Там же.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С.152.
5. Агамбен Д. Номос сагес: суверенная власть и голая жизнь. «Европа». –М.: 2011. С. 16.
6. Там же. С. 148.
7. Там же. С. 149.
8. Там же.
9. Капица С.П. Парадоксы роста: Законы развития человечества.- М.: Альпина нон-фикшн. 2010.- С. 146-147.
10. Седова Н.Н.,Сергеева Н.В.- Биоэтика в пространстве культуры.- М.: Триумф, 2010. - С. 260.